

УДК 94(574.11).084.3:338

**«СМЫЧКА» ГОРОДА И ДЕРЕВНИ:
ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ИЛИ ПРАКТИКА ВЫЖИВАНИЯ?*****«SMYCHKA» OF THE CITY AND VILLAGE: POLICY OF THE STATE OR PRACTICE
OF A SURVIVAL?****А.П. Килин
A.P. Kilin***Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, Екатеринбург, 620002, ул. Мира, 19**The Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin,
19 Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia**e-mail: alexey.kilin@urfu.ru*

Аннотация. В процессе становления советского строя органы власти декларировали необходимость сближения интересов рабочих и крестьян, их интеграцию, «смычку», ориентированную на решение экономических и социальных задач. В публикации рассматриваются способы и приемы адаптации населения к условиям экономики переходного периода, сочетающих в себе как плановые, так и рыночные начала, базирующейся на взаимодействии различных хозяйственных укладов и форм собственности. Автор рассматривает «смычку» не только как часть государственной политики, но и как способ адаптации населения к условиям переходного периода.

Resume. In the course of formation of the Soviet system authorities declared the necessity of rapprochement of interests of workers and peasants who were proclaimed a social support of "the first-ever state of workers and peasants". Central planning and unification of economic ways assumed harmonization of development of agrarian and industrial sectors of economy. Thus, process of integration or "bows" was guided by the solution of economic and social tasks. Based on materials of information reports of district departments of the Joint Head Political Department (JHPD) on the Urals region for 1924 it is analyzed methods and acceptances of adaptation of the population to conditions of an economy in transition, combining both the planned, and market beginnings, based on interaction of various economic ways and patterns of ownership. In the article it is considered the "bow" not only as a part of a state policy, and as a method of adaptation of the population to conditions of a transition period, with contradictions inherent in this process. There was a paradoxical situation in case of which workers and peasants had been forced to be engaged in the same types of activity, to join actively as in agricultural, and industrial production, but at the same time in the social plan to separate strictly from each other, formulating opposite, mutually exclusive requirements. Process of an urbanization which actively proceeded in days of the New Economic Policy in the Urals led not only to growth of number of urban population, but also to marginalization of its considerable part, to "okrestyanivaniye" of workers and "orabochivaniye" of peasants, to symbiosis of traditional and industrial ways, to an arkhazation of an urban environment.

Ключевые слова: история, экономика, нэп, ОГПУ, город, село, рабочий, крестьянин, сельское хозяйство, промышленность, заработная плата, снабжение, денежное обращение, налоги, «смычка».

Keywords: history, economy, New Economic Policy, OGPU, city, village, worker, peasant, agricultural industry, industry, salary, supply, currency circulation, taxes, "smychka".

Это звонкое слово «смычка» в сознании просвещенной публики воссоздает образ новой экономической политики, период 1920-х гг., когда после окончания Гражданской войны на первый план вышли задачи восстановления хозяйства, когда в процессе формирования раннего советского общества тесно переплетались как традиции, так и новации, создавая яркую и противоречивую картину повседневности.

О популярности термина «смычка» свидетельствует его использование в качестве имени собственного. Например, в городе Тюмени Центральный рабочий кооператив носил название «Смычка». В научно-популярной литературе содержатся сведения о том, что было изобретено женское имя «Даздрасмыгда», которое расшифровывалось как «Да здравствует смычка города с деревней».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Целью данной публикации является анализ «смычки» не только как части государственной политики, но и как способа адаптации населения к условиям переходного периода, с присущими этому процессу противоречиями, которые по объективным причинам предопределили неоднородную структуру занятости как городского, так и сельского населения. Эта проблема рассматривается в локальных территориальных и хронологических рамках, в связи с тем, что само понятие смычки и политика государства в отношении взаимодействия города и деревни претерпевали значительные изменения. В статье речь идет о процессах, которые разворачивались в 1924 г., на территории только что сформировавшейся Уральской. Основным источником явились информационные сводки окружных отделов Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (ОГПУ) за этот год.

Отметим, что наиболее эффективный способ консолидации масс предполагает формирование образа врага (реального или мнимого). Этот прием активно использовался в условиях конфронтации на внешних и внутренних фронтах. Образ внешней угрозы активно эксплуатировался на протяжении всей истории советского государства, в том числе и в 1920-е гг. Однако происками внешних врагов было сложно объяснить ряд хозяйственных проблем, которые вытекали из несовершенства системы государственного управления. После окончания Гражданской войны было необходимо консолидировать социальные группы, которые объявлялись социальной базой нового государства на рациональных, объективных основаниях, учитывающих конкретные материальные интересы сторон. «На смену идеологического убеждения, пропаганды – должны прийти материализованные блага, убеждение «силой вещей»¹. Если в годы Гражданской войны консолидация пролетарских слоев города и деревни осуществлялась, по словам В. И. Ленина, как политический и военный союз, то в условиях мирного времени «смычка» была призвана сформировать союз экономический².

Под «смычкой» понимали процесс согласования интересов рабочего класса и крестьянства, интеграцию аграрного и индустриального укладов хозяйства страны. На первый план выдвигались экономические интересы сторон, хозяйственные связи, прежде всего торговля, как специфический и интеграционный вид деятельности.

В рамках нэпа допускались элементы рыночных отношений. Если под рынком, в экономической теории понимается совокупность экономических отношений между субъектами рынка (производители – посредники – потребители) по поводу движения товаров и денег, которые основываются на взаимном согласии, эквивалентности и конкуренции³, то и смычка в идеале виделась как процесс, основанный на принципах взаимной выгоды, добровольности и эквивалентности.

Не директивное распределение, а торговля, как неотъемлемый элемент рыночного хозяйства, называл В. И. Ленин в качестве инструмента смычки. «Торговля является сейчас оселком нашей экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом экономический подъем. Если взять любого купца, торгующего под контролем государства и суда <...>, то мы увидим, что все же этот купец, этот частный предприниматель за сотню процентов прибыли сумеет сделать дело, – скажем, приобретет сырье для промышленности, – так, как сплошь и рядом не сумеют этого сделать никакие коммунисты и профсоюзники⁴. Напомним, что под торговлей понимается отрасль хозяйства и вид экономической деятельности, направленный на осуществление купли-продажи, обмена товаров, а также связанные с этим процессы: непосредственное обслуживание покупателей, доставка товаров, их хранение и подготовка к продаже⁵.

Показательна мысль Ю. Ларина: «Отдыхающее после долгой войны хозяйство страны стало быстро подниматься в привычных для мелкобуржуазного меньшинства населения товарно-рыночных формах. <...> Допущение его [буржуазного предпринимательства] было неизбежным не столько вследствие недостатка у нас средств для приведения в движение товарооборота страны, сколько в силу неумения нашего осуществлять этот товарооборот в рыночных формах. <...> Буржуазия принесла с собой умение двигаться в условиях товарно-рыночных отношений, – и мы принуждены были дать ей наши товарные фонды и наши средства. Производство (промышленное) осталось в наших руках (а производство сельскохозяйственное – в руках крестьян), но рыночная связь между разными частями хозяйства (и нередко даже между разными государственными предприятиями) оказалась в руках буржуазии»⁶.

Прямой и безденежный товарообмен, который виделся как идеал в период военного коммунизма, должен был быть заменен торговлей, которая зачастую недооценивалась, более того криминализировалась и сводилось к понятию «спекуляция». Однако этот сложный вид экономической деятельности для которой требуется соответствующая правовая база, подготовленные кадры (обладающие соответствующими навыками и умениями) и достаточно развитая инфраструктура (логи-

¹ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК. 23.12.1921 г. IX Всероссийский съезд советов. 23–28.12.1921 г. // Полное собрание сочинений в 55 тт. Изд. 5-е. Т. 44. М., 1970. С. 306.

² Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики... ПСС. Т. 44. С. 306.

³ Рынок // Академик. Словари. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1131665> (25.01.2017)

⁴ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики... ПСС. Т. 44. С. 322–323.

⁵ Торговля // Академик. Словари. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/5987> (25.01.2017).

⁶ Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М., 1927. С. 6.

стическая, кредитная, денежная, биржевая и т. п.). Торговля в годы нэпа не была однородной, а представляла собой конгломерат различных укладов и вовлекала в свою орбиту практически все население. В качестве «контактного лица» при осуществлении смычки, разумеется, не рассматривался частный предприниматель, более того, по мере сил он вытеснялся из оборота¹. Основой смычки города и деревни виделась кооперация (потребительская, производственная, кредитная).

Сформулированные руководством страны цели были более рациональными и умеренными, по сравнению с революционными лозунгами 1917 г., но нереализуемыми. Смычка являлась пропагандистским лозунгом и в 1920-е гг. цель не была достигнута (если иметь в виду экономические методы, а не процесс насильственной коллективизации). Процесс стирание различий между городом и деревней затянулся на десятилетия и являлся традиционной проблемой как для советского, так и для постсоветского российского общества.

Отсутствие «смыкания» можно объяснить рядом причин, назовем лишь некоторые из них. Прежде всего, гибридный, противоречивый характер управления. Стремление большевиков, в рамках новой экономической политики, наладить хозяйственные связи, реанимируя дореволюционный опыт, который основывался на допущении рыночных механизмов, было обусловлено не идеологией, а обстоятельствами. Использование торговли, по словам В. И. Ленина, было для большевиков «неприятным открытием», болезненной, но вынужденной мерой². Первоначальный сценарий развития событий, предполагавший, вслед за переворотом в России подъем мирового революционного движения и победу социалистического строя как глобального проекта, не был реализован. Временность отступления от единственно правильной классовой линии, накладывало отпечаток на все управленческие процессы. Если исходить из идеи, что нэп – это «всерьез и надолго, но не навсегда»³, то для партийных и хозяйственных элит было очевидно, что возвращение к плановым началам неизбежно. В этой связи, все «рыночные» мероприятия советской власти, несли в своей основе плановые начала, по своей природе они были продуктом партийной и хозяйственной номенклатуры, реализовывали ее цели.

Судя по приведенной ниже цитате, В. И. Ленин отводил на этот маневр 20 лет. «Капитализм гибнет; в своей гибели он еще может причинить десяткам и сотням миллионов людей невероятные мучения, но удержать его от падения не может никакая сила. Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годами раньше или двадцатью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы выработать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики. Мы эту задачу решим и союз рабочих и крестьян создадим настолько прочным, что никакие силы на земле его не расторгнут»⁴.

Для реализации смычки было необходима товарная масса, способная удовлетворить запросы села, однако экономический потенциал страны серьезно пострадал в годы Гражданской войны, упал уровень производства. В качестве основной задачи нэпа виделось достижение уровня 1913 г., т. е. восстановление хозяйства страны. В условиях тотального дефицита и несовершенства системы управления, основной акцент делался на распределение имеющихся ресурсов. Отсутствие собственного распределительного аппарата не позволяло внедрить систему централизованного распределения, поэтому был использован традиционный и привычный для большинства населения метод – торговля. Однако частная торговля несла на себе клеймо классовой неполноценности, кооперативная торговля находилась в стадии становления (сочетала в себе как достоинства, так и недостатки частной и государственной торговли), а государственная торговля была слишком инертна и забюрократизирована. В результате появилось новообразование – «советская торговля», которая торговлей являлась лишь в части нелегальной деятельности, а по сути, была воплощением идеи централизованного распределения. Товарный дефицит оставался атрибутом советского общества, а основной акцент в экономике социализма делался не на эффективном производстве, а рациональном распределении. Таким образом, отсутствие эффективных торговых организаций препятствовали реализации смычки.

Можно говорить и о социально-политическом аспекте смычки. В количественном плане рабочие и крестьяне представляли собой совершенно несоразмерные массы населения. Сельское население абсолютно доминировало и, в соответствии с демократическими процедурами, его интересы должны были учитываться в большей степени. Напротив, политика властей была направлена на приоритетную поддержку рабочих («мы» в устах большевиков, это, прежде всего, рабочие), которые составляли меньшинство, но наделялись исключительными качествами, в силу идеологических причин. В процессе смычки рабочие были ведущими, рассматривались как передовой и лидирую-

¹ Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург, 2003. С. 118–147; / Исторический факультет УрФУ. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc> (25.01.2017)

² Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики... ПСС. Т. 44. С. 309.

³ Ленин В. И. Заключительное слово по докладу «О продовольственном налоге». 27.05.1921 г. X Всероссийская конференция РКП (б). 26–28.05.1921 г. // Полное собрание сочинений в 55 тт. Изд. 5-е. Т. 43. М., 1970. С. 330.

⁴ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики... ПСС. Т. 44. С. 329.

щий класс, а крестьяне – ведомыми, отстающими. В. И. Ленин явно переоценивал революционный порыв рабочих: «Вот почему мы должны были отступить к государственному капитализму, отступить к концессиям, отступить к торговле. Без этого на почве того разорения, в котором мы оказались, надлежащей связи с крестьянством нам не восстановить. Без этого нам грозит опасность, что передовой отряд революции забежит так далеко вперед, что от массы крестьянской оторвется. Смычки между ним и крестьянской массой не будет, а это было бы гибелью революции»¹.

Представляется, что рабочие и крестьяне в основной своей массе не воспринимали себя в качестве подлинных акторов процесса революционных преобразований в целом, и смычки в частности. Настоящим актором являлась партийно-советская номенклатура, заинтересованная в сохранении завоеванных позиций.

Классовый принцип предполагал, что смычка должна была осуществляться, прежде всего, между пролетарскими слоями города и деревни, что, в свою очередь, предполагало социальную дифференциацию рабочих и крестьян по классовому принципу. За скобки выводились кулаки и зажиточная часть деревни, а также неблагонадежный элемент города (спецы, нэпачи, «бывшие» и т. п.). Если пролетаризированную часть рабочих можно считать эффективными производителями, то люмпенизированные слои деревни, которых большевики видели основными союзниками рабочих в деревне, напротив, являлись «слабым звеном» в сельскохозяйственном производстве, сами нуждались в поддержке и могли предложить городу скорее свои рабочие руки, чем продукты сельскохозяйственного производства. При этом пролетарии были в абсолютном меньшинстве относительно основной массы как рабочих, так и крестьян, что существенно сужало социальную базу для смычки. Не очевиден и тот факт, что пролетаризированные слои города и деревни в действительности ощущали свое классовое единство, порой принадлежность к городу или селу, включенность в тот или иной хозяйственный уклад играли более существенную роль в самоидентификации индивида, чем принадлежность к пролетариям. Разумеется, когда классовая принадлежность предполагала конкретные преференции (льготное налогообложение, прием на работу или оценка кандидата при сокращении штата, доступ к образовательным или медицинским услугам, участие в выборах или снисхождение в случае судебного разбирательства), то она активно демонстрировалась и использовалась. При декларировании материализма как основы своего мировоззрения, большевики буквально мистифицировали и идеализировали ряд характеристик, в особенности социальное происхождение и классовую принадлежность.

Неоднозначность оценок кампании по смычке города деревни демонстрируют высказывания рабочих и крестьян. Эти суждения отражены в Информационных сводках Окружных отделов Главного политического управления по Уральской области за 1924 г. Вероятно, вопрос о результатах проведения кампании по смычке, был задан вышестоящими организациями или входил в состав опросных листов, т. к. эта тема отражена во многих сводках всех без исключения округов.

Сотрудники ОГПУ отмечают, что сближение идет лишь под нажимом административных и партийных органов. «О смычке рабочих с крестьянами, первые остаются в большинстве пассивными, и никаких трактовок среди них не наблюдается»², – так описывается ситуация на Кунгурском кожевенном заводе. «На вопрос о смычке с крестьянством рабочие реагируют пока безразлично, ибо последние голодные годы показали рабочему, что крестьянин тогда не считался с его нуждой и отбирал у него последнее вещи за кусок хлеба»³. «О смычке с крестьянством часть рабочих [говорит], что помогать чем-либо крестьянину не надо, потому что крестьянство в голодное время за кусок хлеба рвали с рабочего последнюю рубашку»⁴. Из сводки по Пермскому округу: «О смычке с крестьянством дело стоит далеко неблагополучно, многие рабочие совершенно не понимают этого вопроса, вникающие в это – смотрят узко и в большинстве случаев открыто высказываются, что из этого ничего не выйдет и совершенно не интересуются»⁵. Данные по Кунгурскому округу о настроениях рабочих на Суксунском заводе: «Вопрос о смычке с крестьянством рабочим малопонятен, за смычку они считают обмен вырабатываемых ими фабрикатов (самоваров) на хлеб и другие продукты сельского хозяйства»⁶. Отметим, что первоначально В. И. Ленин именно так и трактовал это понятие, однако автор сводки, делает акцент на более тесной интеграции (оказании материальной помощи, шефстве, идеологическом влиянии рабочих на крестьян).

Были и более конструктивно настроенные рабочие, которые оправдывали необходимость смычки не идеологическими, а чисто прагматическими соображениями: «На вопрос о смычке с крестьянством рабочие смотрят доброжелательно, хотя говорят, что настало то время, что мы сделались нужны крестьянину, не то что в 1921 году во время голодовки. И в то же время говорят, авось и еще нам

¹ Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики... ПСС. Т. 44. С. 310.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО) Ф. 4. Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза. Оп. 2. Д. 73. Государственные информационные сводки (ГИС) Кунгурского Окружного отдела ОГПУ (20.01–10.11.1924). Л. 44.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. ГИС Нижне-Тагильского ОО ОГПУ (23.01.–30.12.1924).Л. 99

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 201.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. ГИС Пермского ОО ОГПУ (01.01. –20.08.1924). Л. 90.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 78. ГИС Троицкого ОО ОГПУ (15.01 - 24.12.1924). Л. 158.

придется обратиться к крестьянину в случае голода»¹. «По вопросу смычки с крестьянством сознательные рабочие высказываются, что смычка необходима, ибо рабочий и крестьянин не могут существовать один без другого, но полностью работы по смычке с крестьянством вопрос еще не налажен из-за ряда причин, как то страдный период и т. д.»². «Ново-Лялинский завод <...> Вопрос о смычке с крестьянством – работа усваивается хорошо, взято шефство над деревнями»³.

Спектр мнений достаточно широк, но в большинстве своем демонстрирует нейтральные или благожелательные позиции. Негатив предопределен «исторической памятью» о голоде 1921 г. и взаимоисключающими интересами сторон в отношении цен на фабрикаты и продукцию сельского хозяйства. В оценках рабочих присутствует чувство превосходства и представление о том, что именно они должны являться инициаторами и проводниками смычки.

Наше внимание привлеч еще один взгляд на «смычку» как на процесс вовлеченности крестьянского населения в индустриальное производство, «орабочивание» крестьян и «окрестьянивание» рабочих. Возникают сомнения относительно применимости термина «смычка» не к кампании, проводимой государством, а к процессу вовлеченности населения в смежные виды деятельности на личном, персональном уровне. Но подобный подход находит свое отражение в исторических источниках периода 1920-х гг. и представляется нам интересным. Анализ информационных сводок дал фактический материал для размышления, впоследствии аналогичный подход нашел отражение в выступлении Надежды Константиновны Крупской (1869–1939), по случаю смерти В. И. Ленина: «Рабочие говорили ему не только о порядках на фабрике, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне. Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка дана, товарищи, самой историей: русский рабочий одной ногой своей, одной стороной своей – рабочий, другой стороной – крестьянин»⁴. Представление о российском рабочем как полурабочем-полукрестьянине объективно отражает российские реалии, но вступает в противоречие с идеологической доктриной, т. к. актуализирует проблему социальной базы революции, ставит вопрос о классовой чистоте той социальной группы, от имени которой реализовывали «диктатуру пролетариата».

Таким образом «смычка» в данном контексте трактуется как традиционный способ адаптации и вполне сложившаяся повседневная практика населения России. История изучения проблемы, применительно к уральскому региону, обширна, а острота дискуссии отражена в историографии⁵.

О «полукрестьянине-полурабочем» писал А. П. Таяев: «Вплоть до Октябрьской революции уральский рабочий представлял своеобразный тип рабочего: полукрестьянина, полурабочего <...> он был не только продавцом своей рабочей силы, но и мелким земельным собственником, имевшим здесь же около завода свой домик и клочок земли (огород, покос), а иногда и пашню, в последнем случае являясь, одновременно и земледельцем-крестьянином. Эта двойственность экономического положения и интересов уральского рабочего не могла не наложить отпечаток на его психологию и политические настроения. Не случайно, что наряду с большевиками среди уральских рабочих пользовались большим влиянием и успехом социалисты-революционеры»⁶. С. П. Постников и М. А. Фельдман, отмечают, что «период нэпа привел к восстановлению в конце 1920-х гг. социокультурного типа рабочего, существовавшего до 1917 г., но при уменьшении масштаба аграрного труда и связанных с ним социокультурных традиций»⁷.

В действительности рабочие на уральских предприятиях, проживая в городах или рабочих поселках, были тесно связаны с сельскохозяйственной деятельностью, с аграрным укладом. Значительную часть времени они проводили не у станка, а на земле или в очередях, т. к. рабочий был вынужден сам заниматься самообеспечением, самоснабжением, поиском и получением продуктов питания и товаров повседневного спроса. В качестве наиболее адаптивной модели поведения рабочего в условиях нэпа нам видится человек, официально работающий на промышленном предприятии, но не утративший связь с родственниками в деревне, имеющий собственный дом и подсобное хозяйство, владеющий ремесленными навыками и азами торгово-посреднической деятельности, вовлеченный как в легальные, так и нелегальные формы самообеспечения.

К подлинным, «классическим» пролетариям относили лишь тех рабочих, кто не имел собственного хозяйства, огорода, а порой и собственного жилья, проживая в общежитиях, бараках или снимал жилье, как правило, это были холостые мужчины. К этой группе можно отнести вре-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 138.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 188.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 115.

⁴ Крупская Н. К. Сердце Ленина билось за всех угнетенных // Уральский рабочий. 1929. 29 января. С. 1

⁵ Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертыйшный А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года (Историографический очерк). Тюмень, 1997. 192 с.; Заболотный Е. Б., Карамзин А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. // Россия в XX веке. История и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 68–89.

⁶ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). В документах и материалах. С вводным очерком А. Таяева. Свердловск, 1929. С. 17.

⁷ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 117.

менных (сезонных) работников, приглашенных из других регионов на уральские предприятия, которые, выполняя государственные задания и получив заказы, в срочном порядке расширяли свое производство и не имели возможности подготовить собственные кадры.

В сводке Нижне-Тагильского отдела ОГПУ от 23 мая 1924 г. говорится: «Общее материальное положение рабочих тяжелое, зарплата не выдана за март, апрель и май месяцы. За эти месяцы выданы только продукты из ЦРК [Центрального рабочего кооператива] и заводских складов, предусмотренные кол[лективным] договором, которым рабочие недовольны, т. к. согласно колдоговора им выдают только ржаную муку, крупу, соль и мясо и больше ничего. Т. е. ЦРК отпускает продуктов рабочему не более 15% его заработка в месяц»¹. Отсутствие необходимых товаров в кооперативных лавках и продажа дефицитных товаров исключительно за наличные, заставляло рабочих обменивать талоны (ордера) или неходовые товары, полученные в счет заработной платы, на вольном рынке, причем с существенным дисконтом. Как следствие, реальный уровень заработной платы еще больше сокращался. Таким образом, дефекты централизованного снабжения и кооперативной торговли, существенно сокращали доходы рабочих, пополняли частный сектор товарами и позволяли «нэпачам» получать прибыль.

На положение рабочих серьезное влияние оказало проведение денежной реформы 1923–1924 гг., которая, с одной стороны, стабилизировала курс национальной валюты, с другой, породила дефицит наличности, особенно мелкой разменной монеты, привела к росту цен. «Рабочие в доменном цехе [Нижне-Салдинского металлургического завода] чувствуют себя пришибленными. Разменной монеты не хватает, зарплата рабочим выдавалась 3–5 червонцами, на этой почве имеет место большое недовольство, т. е. червонцы не могли разменять по 6 и более дней. Процент звонкой монеты не выдавали уже две получки, т. е. целый месяц. ЦРК работает слабо, отсутствует достаточный капитал на оборот»².

Ограниченность предложения на рынке наличной национальной валюты и взимание налоговых платежей не в натуральной, а в денежной форме, вынуждали искать дополнительные заработки для получения наличности, либо включаться в обмен денежных суррогатов на официальные денежные единицы. Стремление рабочих получить жалование в денежной форме свидетельствует о том, что денежная система была относительно устойчива, а рынок позволял получить необходимые товары. Напротив, в условиях острого дефицита деньги обесцениваются, товары в открытом доступе отсутствуют, что стимулирует рабочих включаться в ведомственную, распределительную систему, недоступную для посторонних.

Таким образом, жалование и иные материальные блага, которые рабочий получал на предприятии, не гарантировали необходимый уровень благосостояния рабочего и членов его семьи.

В этой ситуации личное подсобное хозяйство виделось гарантом «продовольственной безопасности», относительно стабильным источником самообеспечения. Кадровые рабочие имели собственный дом, приусадебный участок, огород, покос, крупный и мелкий рогатый скот, птицу, некоторые держали пасеку³. Получаемые продукты позволяли рабочему поддерживать свое существование при задержке заработной платы, временной консервации производства или ремонте предприятия, а в случае увольнения, на период поиска работы. Этот «страховой фонд», находящийся в собственности рабочего, позволял ему адаптироваться в экономическом плане, но создавал напряжение в политической сфере, вызывал обеспокоенность надзорных органов, т. к. связывал рабочего с «мелкобуржуазной стихией», провоцировал обывательские настроения.

В сводке Нижне-Тагильского отдела ОГПУ говорится: «Настроение рабочих Баранчинского завода удовлетворительное, т. к. большинство рабочих – местные жители, имеющие свои мелкие хозяйства, и несвоевременная выдача зарплат не так сильно влияет на них»⁴. В отчете по «аграрному» Курганскому округу уполномоченный пишет: «...Быт рабочих изменяет свою форму слабо, что вполне естественно, так как в Округе в полном смысле чисто рабочих не имеется, а на 90% полурабочие-собственники»⁵.

Собственное хозяйство, по мнению авторов сводок, снижало заинтересованность рабочего в повышении производительности труда на заводе, поэтому предлагалось с этими пережитками активно бороться. Имеется «вспомогательное хозяйство рабочих и, в крайнем случае, одну корову. Ранее наблюдались случаи недобросовестного отношения некоторых рабочих к производству, но в настоящее время это явление изжито благодаря тому, что профсоюзом и ячейкой РКП (б) и общими собраниями рабочих принимались меры против таких личностей, вплоть до увольнения»⁶. В сводке Ишимского округа сообщается, что на Петуховском механическом заводе «проводится, так называемая, "пролетаризация", т. е. увольняются работающие на заводе крестьяне и нанимаются

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 58.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 232.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 69. ГИС Златоустовского ОО ОГПУ (10.01–21.12.1924). Л. 97.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 43.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. ГИС Курганского ОО ОГПУ (01.12.1923–27.12.1924). Л. 96.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 157.

чистые пролетарии, с условием, что таковые смогут заменить по квалификации уволенных»¹. В данном контексте под «крестьянами» не могут пониматься исключительно деревенские жители, т. к. речь идет о необходимом уровне квалификации работников.

Пролетаризация включала в себя не только чистку кадров, но и создание проблем для мелких собственников, в том числе в налоговой сфере. Например, в г. Кургане «с рабочих-собственников, т. е. с тех, которые имеют свои дома, сейчас взыскивают налог в пользу голодающих. Некоторые рабочие по этому поводу говорят, что "сами то мы с большими семьями живем чуть ли не впроголодь, а с нас берут налог по 10 руб. в пользу голодающих, между тем как еще должны платить нам", но общего характера это недовольство не носит»².

Радикальная, на наш взгляд, оценка доли заработной платы в доходах рабочего, которая сводится к «карманным деньгам», представлена в сводке по Курганскому округу: «Жалоб на то, что у рабочих не доставало продуктов или одежды, – нет, т. к. в большинстве случаев они местные жители и каждый из них имеет свое собственное маленькое хозяйство, а есть даже и такие, которые получаваемый заработок используют не в помощь своим хозяйствам, а расходуют <...> на свои личные потребности, как то выпивка и т. д., иначе говоря, жалование идет на чисто карманные расходы. Но от этого материальное положение их семей не страдает»³.

Рассматривая активное вовлечение рабочих в сельскохозяйственное производство, отметим не менее интенсивное привлечение крестьян в промышленность. Необходимость уплачивать сельскохозяйственный налог в денежной, а не в натуральной форме, вынуждала крестьян искать источники денежных поступлений. Если в городах испытывали дефицит в наличности, то в деревне звонкой монеты практически не было, а полученные в городе монеты оседали в качестве средства накопления и не возвращались в денежный оборот. В одной из сводок по Кунгурскому округу, описывается состояние Юго-Осокинского района: «По бытовым условиям в довоенное время район являлся наполовину промышленным, и население такового считалось полурабочим-полукрестьянским. В данное же время район является чисто земледельческим и население его заинтересовано исключительно приобретением земельных участков и в обработке таковых <...> Замечается уход населения на промысловые отхожие работы, как то: плотников, каменщиков и др., которые равняются довоенному»⁴.

Отхожие промыслы неоднократно упоминаются в сводках: «Неудовлетворительное отношение в некоторых деревнях в связи с взиманием налога деньгами, это заставляет крестьян выезжать на заработки исключительно с целью уплаты налогов»⁵. «За последнее время крестьянство уходит на ближайшие заводы и рудники где и работает, чтобы иметь возможность заплатить третий срок сельхозналога»⁶. «Петрокамский район. Отхожие промыслы наблюдаются по всему [Тагильскому] Округу приблизительно в 50% больше довоенного времени – это вызывается вопросом изыскания средств на уплату сельхозналога»⁷.

Эти факты свидетельствуют о том, что наряду с «окрестьяниванием» рабочих, шел процесс «орабочивания» крестьян, создавая предпосылки для массовой урбанизации 1930-х гг. Маятниковая миграция по маршруту «город–село» была сезонным, но постоянным явлением и придавала мобильность трудовым ресурсам, но не способствовала повышению эффективности деятельности в базовых для крестьян и рабочих отраслях производства.

Взаимоотношения рабочих и крестьян в отчетах представлены как противоречивые. Приводятся факты, когда «яблоком раздора» становилась земля: «В ближайшее время будет происходить раздел земли, т. е. наделение бывших рабочих Юго-Камского завода (консервированного). Земля, бывшая крестьянская и до последнего времени ими обрабатываемая, поэтому между рабочими и крестьянами идет антагонизм и возможно при наделе будет столкновение, хотя крестьянам и дают землю, но дальше, а потому отношения между крестьянами и рабочими стоят обостренными»⁸.

Помимо этого конкретного примера была масса «недовольств» крестьян и рабочих друг на друга, отраженных в информационных сводках. Зачастую, поводом для описания взаимных претензий является обоснование пробуксовки смычки, ее нахождение на «точке замерзания». Крестьяне обвиняют рабочих в безделье, что они отработали 8 часов и свободны, но при этом имеют стабильный источник дохода, могут покупать товары по более доступным ценам, пользоваться социальными и культурными благами, к тому же не уплачивают непосильных налогов. Им в вину ставились «ножницы цен», при которых цена на фабрикат была выше стоимости сельскохозяйственной продукции. «Ножницы цен» наряду со «смычкой», еще один яркий образ, который является атрибутом новой экономической политики. «Есть недовольство на то, что рабочие работают 8–9 часов, получают за это высокие ставки, а крестьянин трудится круглые сутки и за это ничего не получает, а наоборот, с

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 71. ГИС Ишимского ОО ОГПУ (15.01–23.12.1924). Л. 111.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 197.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 144.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. Л. 93.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 198.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 296.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 317.

⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. Л. 53.

него берут. Вообще говорят, что Советская власть больше обращает внимание на рабочих, чем на крестьян, конечно, здесь не обходится дело и без кулацких поджигателей, но какого-нибудь факта, более или менее серьезного, не помечено»¹. «Крестьяне говорят, что государство труд крестьянина не ценит, что за пуд пшеницы можно купить только аршин ситца, а ржи так нужно два пуда на аршин ситцу. <...> Если в государстве чувствуется денежный кризис, то почему Государство платит рабочим большое жалование, нужно его урезать»². «Проходили крестьянские беспартийные конференции <...> Из анонимных анкет, некоторыми делегатами, очевидно из кулацкого элемента, выявился упрек соввласти настоящего момента, в ненормальных действиях ответственных партийных работников на местах, и пассивных их отношениях к крестьянству, несоответствие цен продуктов сельскохозяйственного производства с ценами продуктов городской промышленности. Таким же путем установлено, что один из делегатов конференции Кунгурского района на вопрос: "Что вы можете добавить вышестоящим ответам на вопросы?". Отвечает: "Мне хочется узнать, когда будет уплочена задолженность крестьянству, изъятая у последних рабочими в период разверстки, т. е. до НЭПа?"»³. «Отношение крестьян к налоговой политике удовлетворительное, крестьяне Покровского сельсовета (Алапаевского района Нижне-Тагильского округа) имеют классовое деление, сравнивая крестьянскую жизнь с рабочей, который живет во всех отношениях лучше крестьянина и не платит налогов»⁴. Рабочие, в ответ на призывы оказать помощь деревне, напоминают о том, что «рабочие до сих пор помнят голод и называют крестьян "обиралами"»⁵.

На антагонистические отношения рабочих и крестьян в годы нэпа обращает свое внимание американский исследователь Д. Р. Вайнер⁶. По его мнению, конфликты обострились на фоне высокого уровня безработицы, были вызваны жесткой конкуренцией за средства существования, источники дохода и социальный статус. Автор обосновывает свои выводы материалами профсоюзных организаций, в которых говорится о стремлении защитить профсоюзы от «заражения», затруднить крестьянам вступление в профсоюзы занимающие промежуточное положение между аграрным и индустриальным секторами экономики (пищевиков, работников сахарной, лесной промышленности, транспортных рабочих) и тем самым облегчить им трудоустройство в городах.

Если по приведенным нами данным на взаимоотношения рабочих и крестьян оказывала воздействие память о голоде 1921 г., т. е. они были предопределены прошлым, то Д. Р. Вайнер говорит о влиянии этого антагонизма на последующие события. Он использует неологизм «размычка» в качестве антонима слову «смычка». «Размычка», по его мнению, в последующем привела к активному вовлечению рабочих в процесс коллективизации деревни или, по крайней мере, обеспечила молчаливое согласие с репрессивными мероприятиями властей в аграрном секторе. Времена, когда кронштадские матросы выступали в защиту крестьянства, чувствуя с ними определенную связь, уже прошли.

Трансформация сложившихся форм хозяйственной деятельности, в особенности на локальном уровне, достаточно сложный и длительный процесс и революция 1917 г. не могла моментально изменить экономические отношения, которые складывались столетиями. По нашему мнению реалии экономики переходного периода не только не ослабили, а усугубили процесс вовлечения рабочих в сельскохозяйственное производство и заинтересованность крестьян в отхожих промыслах. Несовершенство планового, централизованного распределительного механизма и работа рыночного механизма в «тестовом», «демонстрационном» режиме, предопределили торговую активность жителей города и села, увеличение времени на добывание необходимых продуктов питания и товаров первой необходимости.

Размывание границ между индустриальными и аграрными видами деятельности можно рассматривать как регресс в общественном разделении труда. Такой выбор личностной стратегии был предопределен не стремлением к самореализации в различных сферах деятельности, а был вызван дефектами системы хозяйствования. Если эти проблемы не решались на отдельном предприятии, путем создания рабочих кооперативов, общественных столовых или получением продуктов питания за счет бартерного обмена товаров широкого потребления на продукты питания, то весь груз самообеспечения ложился на плечи самого рабочего. Соответственно, крестьянин, был вынужден активно включаться в бартер, в торговлю на рынке, если сельскохозяйственная и потребительская кооперация не могла удовлетворить его потребность в «фабрикате». Декларируемая смычка реализовывалась на микро-уровне, а не макро-уровне давала сбои.

Складывалась парадоксальная ситуация, при которой, в силу сложившихся обстоятельств, рабочие и крестьяне были вынуждены заниматься однотипными видами деятельности, активно интегрироваться как в сельскохозяйственное, так и в промышленное производство, могли иметь

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 126.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 180.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. Л. 14–14 об.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 173.

⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. Л. 85.

⁶ Weiner D. R. «Razmychka?» Urban unemployment and peasant in-migration as sources of social conflict // Fitzpatrick, S., Rabinowitch A., Stites R. (Eds). *Russia in the era of NEP explorations in Soviet society and culture*. Indiana University Press, 1991. 344 p. pp. 144–155.

кровных родственников как в городе, так и в деревне, но при этом в социальном плане жестко дистанцироваться друг от друга, отстаивая противоположные, взаимоисключающие интересы и предъявляя целый ряд претензий к противоположной стороне. Споры возникали относительно времени работы (лимитированное или не лимитированное); цен на продукты (завышение цен на фабрикаты или сокрытие хлебных излишков с целью роста цен на них, неэквивалентность, по мнению обеих сторон, уровня цен); приоритет личного и общественного (мелкобуржуазная крестьянская стихия и обывательщина среди рабочих). Возможно, что баланс интересов был достижим естественным, эволюционным путем лишь на основе сбалансированного сочетания плановых и рыночных начал, которые в условиях советской России периода нэпа могли играть весьма ограниченную роль. Таким образом, противоречия нэпа непосредственно отражались на взаимоотношениях рабочих и крестьян, весьма неоднородных по своей структуре социальных групп. «Смычка» на уровне личных стратегий и как форма персональной адаптации к условиям действительности, воспринималась как нечто очевидное и вполне естественное, однако лозунг «смычки города и деревни» как политический проект не имел массовой поддержки.

Библиография

- Заболотный Е. Б., Карамзин А. С. Современные исследователи об особенностях социального облика рабочих Урала в 20–30-е гг. XX в. // Россия в XX веке. История и историография. Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 68–89.
- Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертыйшный А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года (Историографический очерк). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997.
- Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 118–147 / Исторический факультет УрФУ. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc> (25.01.2017)
- Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). В документах и материалах. С вводом очерком А. Таняева. Свердловск: Изд-во Уралпрофсовета, 1929. 232 с.
- Крупская Н. К. Сердце Ленина билось за всех угнетенных. // Уральский рабочий. 1929. 29 января. С. 1
- Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.: Госиздат, 1927.
- Ленин В.И. Заключительное слово по докладу «О продовольственном налоге». 27.05.1921 г. X Всероссийская конференция РКП (б). 26–28.05.1921 г. // Полное собрание сочинений в 55 ТТ. Изд. 5-е. Т. 43. М.: Изд-во Политической литературы, 1970. С. 317–332.
- Ленин В. И. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК. 23.12.1921 г. IX Всероссийский съезд советов. 23–28.12.1921 г. // Полное собрание сочинений в 55 ТТ. Изд. 5-е. Т. 44. М.: Изд-во Политической литературы, 1970. С. 291–329.
- Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
- Weiner D. R. «Razmychka?» urban unemployment and peasant in-migration as sources of social conflict // Fitzpatrick S., Rabinowitch A., Stites R. (Eds). Russia in the era of NEP explorations in Soviet society and culture. Indiana University Press. 1991.

References

- Zabolotnyj E. B., Kamynin V. D., Tertyshnyj A. T. Ural nakanune velikih potrjasenij 1917 goda (Istoriograficheskij ocherk). Tjumen': Izd-vo TumGU, 1997.
- Zabolotnyj E.B., Karamzin A. S. Sovremennye issledovateli ob osobennostjah social'nogo oblika rabochih Urala v 20–30-e gg. XX v. // Rossiya v XX veke. Istorija i istoriografija. Ekaterinburg, 2004. Vyp. 2. S. 68–89.
- Kilin A. P. Chastnaja trgovlja i kredit na Urale v 1920-e gody / Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': Sb. nauch. tr. Vyp. 3. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2003. S. 118–147 / Istoricheskij fakul'tet UrFU. URL: <http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc> (18.07.2016)
- Kolchakovshhina na Urale (1918–1919 gg.). V dokumentah i materialah. S vvodnym ocherkom A. Tanjaeva. Sverdlovsk: Izd-vo Uralprofsoveta, 1929.
- Krupskaja N. K. Serdce Lenina bilos' za vseh ugnetennyh // Ural'skij rabochij. 1929. 29 janvarja. S. 1
- Larin Ju. Chastnyj kapital v SSSR. M.: Gosizdat, 1927.
- Lenin V. I. Zakljuchitel'noe slovo po dokladu «O prodovol'stvennom naloge». 27.05.1921 g. X Vserossijskaja konferencija RKP (b). 26–28.05.1921 g. // Polnoe sobranie sochinenij v 55 TT. Izd. 5-e. T. 43. M.: Izd-vo Politicheskoi literatury, 1970. S. 317–332.
- Lenin V.I. O vnutrennej i vneshej politike Respubliki. Otchet VCIK i SNK. 23.12.1921 g. IX Vserossijskij s#ezd sovetov. 23–28.12.1921 g. // Polnoe sobranie sochinenij v 55 TT. Izd. 5-e. T. 44. M.: Izd-vo Politicheskoi literatury, 1970. S. 291–329.
- Postnikov S. P., Fel'dman M. A. Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg. M.: ROSSPJeN, 2009.